

УДК 330.342.24

СОЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: УТОПИЯ, ИДЕАЛ ИЛИ ПРОЕКТ?

Жернов Е.Е., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой экономики
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева
г. Кемерово

Современная экономика знаний выступает преимущественно в капитализированной форме. Капитализация экономики знаний наглядно проявляется в том, что условия свободного развития индивидов поставлены под контроль капитала и допускаются только в меру интересов его владельцев. Доминирующая сегодня капиталистическая парадигма экономики знаний не позволяет с достаточной надежностью предвидеть будущее. Необходимо формирование новой парадигмы экономики знаний, основанной на принципиально иных основаниях. Этого требует, прежде всего, углубление противоречий между усложняющейся реальностью и ограниченными знаниями, не объясняющими удовлетворительно новые явления. Картина будущей экономики знаний отражает идеал исследователя, его потребности и задачи. Вместе с тем она не может быть оторвана от действительности, а должна учитывать ее вызовы и угрозы. Среди перечня угроз в данном контексте важна «угроза перерождения экономики знаний под воздействием либерального рынка» [3, с. 18–19], который капитализирует все в процессе своего количественного роста. Теоретический анализ будущей экономики знаний представлен исследованиями двоякого рода. Во-первых, социальными прогнозами, то есть проекциями наблюдаемых тенденций и их последствий. Во-вторых, картинами желаемого будущего как альтернативы существующему положению вещей.

Антиподом капитализированной экономики знаний (далее – КЭЗ) на практике и альтернативной социально-исторической гипотезой в теории является социализированная экономика знаний (далее – СЭЗ). Попробуем определить, что представляет собой СЭЗ: утопию, идеал или проект. На первый взгляд, СЭЗ – это утопия. Однако для практического воплощения важно, на наш взгляд, различать «утопию-идеал» и «утопию-проект» [9, с. 179–185].

Утопия, как известно, воспроизводит образ идеальный. В качестве идеала общественных отношений утопия, по А. Свентховскому [8], представляет собой наиболее всеобщий элемент в духовном мире. Последний имеет в обществе, основанном на знаниях, приоритет перед миром материальным. Задача экономической теории экономики знаний, по нашему представлению, состоит в том, чтобы наряду с решением чисто экономических задач разработать общественный идеал, способный в дальнейшем стать основой социаль-

но-экономического устройства общества, основанного на знании, включающего адекватную экономику.

Общественный идеал, по верному мнению П.И. Новгородцева, можно определить как принцип свободного универсализма: «Это – идеал не только демократический, но и *вселенский* (курсив мой. – Е.Ж.), идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства» [6, с. 131]. Это, на наш взгляд, сближает принципы будущего общественного устройства с антропным принципом, согласно которому свойства Вселенной связаны с фактом человеческого существования. Иными словами, «человекомерность» как соответствие человеческой сущности – особенность сложной системы мира. Тем более это справедливо для устройства общества, одинаково справедливого ко всем жителям страны.

Утопия ставит идеал, который превращается в цель. Вместе с тем идеал воплощается в проект – «подробное и последовательное описание воображаемого < ... > общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор» [10, с. 8]. Утопия-идеал переходит в утопию-проект благодаря гуманизму – уверенности в способностях и силах человека, в его беспредельных возможностях. Поэтому она имеет вполне реальный потенциал для дальнейшего воплощения в действительность. По Э. Фромму [12], новый гуманизм – это идеал утопического нового общества, реформированного в соответствии с природой человека. Методологическая важность этого положения для реального воплощения идеала состоит, на наш взгляд, в том, что антропологическая сфера как сфера бытия человека и утопизм мало совместимы.

Хотя «идеальный тип» является утопией, но возникает он из действительности путем ее сознательного превращения. Под этим углом зрения утопия – средство познания действительности в виде мысленно конструируемой модели объекта. При сопоставлении с реальностью утопия дает возможность не только выявить степень отклонения имеющегося от должного, но и установить причины этих отклонений в реальной жизни. Обращение к идеалу – это не утопизм и более того «может иметь даже значение критики актуальной действительности» [11, с. 95]. Здесь проявляется одна из важнейших задач экономической теории экономики знаний – критико-методологическая по отношению к КЭЗ.

Таким образом, утопия представляет собой оформившийся теоретический идеал, направленный на создание совершенного общества, осознанный и облеченный в определенный теоретический конструкт. В этом становится зримой проективность – важнейшая характеристика утопии. Так идеал становится проектом, а образ будущего приобретает субъективную ментально-когнитивную природу и существует в качестве общественных ожиданий. Будущее России, согласно опросу ВЦИОМ, видится ее гражданам так: «В 2020 году россияне хотят видеть свою страну великой процветающей державой (43 %). Также респонденты хотели бы, чтобы Россия была страной

с высоким уровнем жизни (11 %), экономически развитым (9 %), стабильным (5 %), демократическим (5 %), справедливым государством (4 %), с успешной социальной политикой (4 %), развитой промышленностью и сельским хозяйством, победившим коррупцию (по 4 %)» [2]. Исследователи справедливо пишут о «неистребимости утопий в России, ее открытости новым утопическим проектам, способности постоянно впитывать в себя появляющиеся утопические идеи и становиться почвой для их реализации» [5, с. 45].

Потребность в утопии объясняется как природой самого человека, составляющей суть антропного начала, так и социума, регулируемого социальным порядком. Такие качества, как потребность в идеальном образе своего будущего, устремление к нему, желание жить в совершенном обществе заложены в человеке изначально. В. Шестаков верно считает, что никакое развитие теории «не может само по себе устранить социальные потребности в утопии, а эта потребность в виде таких социальных механизмов, как надежда, мечта, предвидение будущего, все еще остается актуальной и для современной мысли» [14, с. 247]. Главное достоинство утопий заключается, по нашему мнению, в том, что, благодаря им общество может совершенствоваться без крупных социальных конфликтов. «Утопия дает возможность открыть новое горизонтальное пространство для социальных экспериментов. Об утопии можно говорить как о вполне научном явлении, если рассматривать будущее человечества как процесс не революции, а эволюции» [5, с. 45]. Это вполне согласуется с концепциями глобального и универсального эволюционизма, в соответствии с которыми переход от КЭЗ к СЭЗ видится эволюционным. Вместе с тем, согласно Е.Л. Чертковой, трансцендентность утопии означает ее независимость от реальной жизни [13, с. 163–164]. Отсюда будущая СЭЗ формируется не как продолжение настоящей КЭЗ, а как альтернатива ей.

Историческим примером практического воплощения теории социализации экономики может служить деятельность австрийской социал-демократии после победы революции 1919 года. Сто лет назад ею была предпринята попытка реализовать на практике теорию полной социализации экономики О. Нейрата и теорию частичной социализации О. Бауэра. Последний считал, что «социализация прежде всего должна распространиться на угольную и горнодобывающую промышленность, так как эти отрасли имели особо важное хозяйственное значение <...> и наибольшую степень концентрации. Управление ими Бауэр предполагал передать не государственным органам, а производственным советам» [4].

Концепция социализации О. Нейрата представляется по сравнению с бауэровской более масштабной и теоретически обоснованной, исходя из его анализа предпосылок и условий социализации, четкой постановки основных задач социализации, а также того факта, что Нейрат впервые поднял вопрос о гуманизации рабочих мест, чем способствовал социализации производства как материальной базы всей экономики [4].

В дальнейшем необходимость социальной ориентации рыночной экономики признавалась во многих странах, не говоря уже о воплощении социа-

лизации в СССР. В 1980-х годах доля государственной собственности в Австрии составляла 30–40 % [7, с. 65]. С позиции концепции устойчивого развития важно отметить, что дальнейший рост промышленности и экономики Австрии не препятствует улучшению экологической ситуации, а, напротив, даже способствует ему при том, что в стране развиты черная металлургия и алюминиевая промышленность. Австрийская экономика высокоразвита и экологична именно в силу своей социальной направленности. Страна отличается высоким уровнем социальных расходов: там на эти нужды тратится 30 % ВВП [1]. Экономика Австрии полностью соответствует всеобщему представлению о социально-ориентированной экономике в мире. Данный опыт, думается, может быть переосмыслен (без возвращения к капитализму начала XX века) для Кузбасса – ведущего угледобывающего региона России.

Таким образом, при определенных социально-экономических условиях социализированная экономика знаний может превратиться из утопии-идеала в практический проект. Выдвижение его в принципе возможно не как автономного проекта, но в рамках реализации программы социализации экономики. Программа социализации экономики знаний, которая может быть разработана на базе концепции социализации экономики знаний, будет представлять собой однопорядковый элемент в ряду социальных реформ неоиндустриализации. Для начала это может быть пилотный проект, реализуемый внутри страны в одном или нескольких регионах разной специализации. В теоретическом плане рассмотренная с позиции утопии-проекта концепция социализации экономики знаний позволяет выявить возможность воздействия утопии на становление в ней социальной и обосновать преобразующую роль утопии в процессе эволюции человеческого общества к обществу, основанному на знаниях.

Список литературы:

1. Евростат опубликовал данные о расходах на соцзащиту в Евросоюзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirperemen.net/2016/12/evrostat-opublikoval-dannye-o-rasxodax-na-soczhshitu-v-evrosoyuz/>.
2. Исследование ВЦИОМ: Будущее России глазами ее граждан в 2013 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/news/2013/08/09/6126>.
3. Макаров В.Л. Угроза перерождения экономики знаний под воздействием либерального рынка // Экономика региона. – 2010. – № 3. – С. 7–19.
4. Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 215 с.
5. Митина Н.Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 2. – С. 42–46.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – Москва: Пресса, 1991. – 640 с.
7. Пичурин И.И. Углубление социализации мировой экономики // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2013. – № 4. – С. 63–74.

8. Свентоховский А. История утопии. – Москва, 1910. – 427 с.
9. Теория и жизненный мир человека. – Москва: Ин-т философии РАН, 1995. – 206 с.
10. Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. – Москва: Прогресс, 1991. – 405 с.
11. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет.– Москва: Политиздат, 1989.– 559 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть? – 2-е изд., доп. – Москва: Прогресс, 1990. – 331 с.
13. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия: сб. ст. – Москва: Роспэн, 1996. – С. 156–187.
14. Шестаков В. Утопия // 50/50. Опыт словаря нового мышления. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 244–248.